

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 812.819

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B
Argentina

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVII

Buenos Aires, martes, 15 de diciembre de 1964

Буэнос Айрес, вторник 15 декабря 1964 года № 777

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

256. НЕОЖИДАННЫЙ НОЯБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК. — ОРГАНИЗАЦИЯ ПОТАЕННОЙ ЦЕРКВИ ПО ДАННЫМ АЛМА-АТИНСКОГО ПРОЦЕССА. — КОНЧИНА ПИСАТЕЛЯ ВАСИЛИЯ СЕМЕНОВИЧА ГРОССМАНА И ИСТОРИКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ДОБРОКЛОНСКОГО

Совершенно неожиданно через месяц и два дня после Пленума свергнувшего Хрущева созван 16-го ноября однодневный Пленум ЦК, который проходил по старому ленинско-сталинскому уставу в строжайшей тайне, а не в форме шумливого митинга с участием партийных и беспартийных “передовиков”, как это было в последние годы при Хрущеве. Этот Пленум должен закрепить хоть на время распределение партийных постов после свержения Никиты, наказать его клеветов, не сумевших от него сразу отойти и наградить тех, кто содействовал его свержению. Это проливает свет на события на прошлом Пленуме.

На этом Пленуме председательствовал первый секретарь Брежнев, но доклад должен был делать второй секретарь ЦК. Таким оказался в результате сговора победителей Хрущева вовсе не Сулов, который выступал его обвинителем на Пленуме 14-го октября с. г., а **Николай Викторович Подгорный**. Значит, он теперь является вторым секретарем ЦК. Его доклад “Об объединении промышленных и сельских областей и краевых партийных организаций” отменяет самую нелепую из хрущевских затей: отменить единоначалие на местах, разделив партийные организации на две. Теперь же в ноябре-декабре согласно решению ЦК по докладу Подгорного, по всему СССР будут проведены заседания Обкомов, на которых, в присутствии представителя ЦК, будет избран первый секретарь, ответственный за всю работу. Ему будут подчинены другие секретари, из которых один будет заниматься сельским хозяйством, другой — промышленностью, третий — пропагандой, четвертый будет возглавлять местную областную комиссию госпланконтроля, но все эти секретари будут подчинены первому, как это было с первых дней революции до хрущевской “реформы” 1962 г.

Сообщается официально, что по этому докладу (очевидно, одобряя его) выступали П.Е. Шелест (1-й секр. ЦК КП Украины), предс. ВЦСПС (профсоюзы) В.В. Гришин, за ним Я.Н. Заробьян, К.Т. Мазуров, Ш. Р. Рашидов и В. Ю. Ахундов, то есть первые секретари ЦК Армении, Белоруссии, Узбекистана, Азербейджана. Из них лишь Заробьян и Ахундов рядовые члены, а остальные кандидаты президиума ЦК. Следовательно создали около 400 членов и кандидатов ЦК и членов Центр. Ревизион. Комиссии, чтоб почтительно выслушать доклад и прения по нему “высокого начальства”.

Затем пошли награды участникам свержения Хрущева и расправа с его клеветами: из секретарей ЦК исключены зав. сектором сельского хозяйства **Василий Иванович Поляков** и б. второй секретарь ЦК **Фр. Ром. Козлов**. Исключение первого понятно: он — клевет Хрущева, назначенный в 1962 году по его выбору помогать ему в области сельского хозяйства и выполнять все его провалившиеся директивы, он пал вместе с Никитой или, вернее, в результате его свержения.

История Козлова, наоборот, непонят-

на: как помнят мои читатели, он исчез с сообщением о показательном суде над полковником Пеньковским; тогда ходили слухи, что те сведения о переписке секретариата ЦК с Пекином, в передаче которых англо-американцам Пеньковский, как писали сов. газеты, обвинялся, полковник получил от дочери Козлова, которой он привозил из Лондона и Парижа ценные подарки. Эти сведения он не мог получить по своей службе, никакого отношения к переписке ЦК не имевшей, а только из “сфер”, секретариата ЦК. Дальше говорили, что Козлов за доверие к дочери и ее поклоннику подвергнут домашнему аресту, как был заключен в кремлевскую больницу нарком Г. В. Чичерин с 1930 года до своей смерти в 1936 году. Другие утверждали, что по приказу Хрущева Семичастным арестована дочь Козлова и это так поразило 55-летнего тогда Козлова, что он лежит без движения в параличе. Но он полтора года при Хрущеве продолжал числиться секретарем и членом президиума ЦК. Теперь же после падения Хрущева решили оформить его положение или, по крайней мере, поведать миру о его судьбе следующим безграмотным постановлением: “в связи с тяжелой болезнью, требующей длительного лечения, Пленум ЦК освободил тов. Козлова Ф. Р. от обязанностей секретаря ЦК и члена Президиума ЦК с предоставлением ему длительного отпуска для лечения”.

Безграмотно и непонятно: если он уже полтора года “длительно лечится”, то почему его числили на обоих постах, которые он фактически не занимал. Если теперь он их покинул, то ему дан не отпуск для лечения, а отставка, ибо, если он оправится, то не вернется автоматически на эти посты, как вернулся бы после краткой болезни или отпуска. В этой формулировке чувствуется желание его как-то реабилитировать: “думаете, что его убрали полтора года назад по другим причинам? Нет, только по болезни, при которой не объявляли об его отпуске для лечения. Только теперь, когда он выбыл из секретарей и членов президиума, оставаясь как будто рядовым членом ЦК, ему во всеулышание дается отпуск”. Так или иначе он полтора года назад исчез по существу, а теперь его исчезновение “оформляется”!

Затем Пленум на три освободившиеся места членов президиума ЦК (вместо Хрущева, Козлова и умершего Куусинена) назначил членами ЦК прежнего кандидата ЦК П. Е. Шелеста, который на Пленуме первым выступал за принятие доклада Подгорного, и секретаря ЦК **Александра Николаевича Шелепина**, который еще не был кандидатом, а сразу попадает в члены президиума. Это фигура с будущим: ему всего 46 лет, он кончил в 1939 году Институт Литературы и в 1940-43 годах был в столице инструктором ВЛКСМ, в 1943-52 г. г. — секретарем ЦК комсомола с заведыванием сектором физкультуры, с 1952 — член комитета по делам физкультуры. Сразу после смерти Сталина возглавил

комсомол, а в 1958 году — комитет гос. безопасности. С 1961 года этот хрущевский чекист стал секретарем ЦК с возглавлением затем комитета госпланконтроля. Фактически в его руках все отрасли сыска и расправы в партии и в стране. В прошлой статье я писал, что этот ставленник Хрущева ответил ему, что идет с партией, то есть с заговорщиками, создавшими враждебное Никите, в его отсутствие, большинство. Это человек, который в будущем может свергнуть стареющих свергателей Хрущева.

Затем, стал кандидатом президиума ЦК секретарь ЦК по химической и легкой промышленности 46-летний сверстник Шелепина **Петр Нилович Демичев**, что значит, что он с Шелепиным пробирается к захвату власти. Из секретарей ЦК Демичев и особенно Шелепин идут вверх, прочие остаются пока на местах, Поляков полетел в бездну и оформлено исчезновение Козлова.

Все это касается высших органов — президиума и секретариата. Но и среди рядовых членов ЦК произошли перемены: Аджубей исключен из ЦК “за допущенные ошибки в работе”. Это публичное шельмование за свойство с Никитой. Полякова просто освободили без мотивировки от поста секретаря, а Аджубея изгнали и из редакции “Известий” и из ЦК.

В прошлом перешли из кандидатов в члены ЦК Рудаков и теперь наказанный Поляков при их назначении секретарями ЦК в 1962 году. Но с 1961 года в ЦК больше вакансий, которые надо заместить кандидатами: умерли маршал Бирюзов, Гаевой, Дыгай, Засядько, Куусинен, Кучеренко, Мурысев, адмирал Фокин, о чем я каждый раз сообщал читателям. Исключены из членов ЦК Дауленов и теперь Аджубей; итого освобождено 10 мест, из которых два замещены Рудаковым и Поляковым. Теперь замещены остальные восемь мест теми кандидатами ЦК, которые способствовали, повидимому, падению Хрущева. Это нам раскрывает секрет предыдущего Пленума 14-го октября, на котором свергли Хрущева.

Переведены из кандидатов в члены президиума ЦК:

1. **Алексей Алексеевич Епишев**, нач. политуправления мин. обороны, генерал армии, никогда не носивший оружия и ненавистный всем строителям. Видно, этот ставленник Никиты много содействовал его падению при “нейтралитете” всяких маршалов и генералов, которые и сейчас остались кандидатами ЦК.

2. **Председатель Комитета Госуд. Безопасности 40-летний Владимир Ефимович Семичастный**; этот самый молодой из членов ЦК, ставленник и младший соратник Шелепина, сможет при надобности начать новую ежовщину и поможет Шелепину ликвидировать тех, кто станет ему на пути.

3. **Председатель Московского Обл. исполкома Василий Иванович Конотоп** обеспечил заговорщикам поддержку подчиненных ему московских партработников из администрации; это тоже молодой, рвущийся к власти карьерист.

4. **Председатель Мосгорсовета Владимир Федорович Жигалин**, обеспечивший поддержку заговорщикам со стороны подчиненных ему членов ЦК, работающих в столичной промышленности.

5. **Первый секретарь Ленинградского Горкома 52-летний Георгий Иванович Попов**, склонивший к борьбе против Хрущева на Пленуме 14-го октября многочисленных членов ЦК, работающих на берегах Невы.

6. **Второй секретарь ЦК компартии**

Белоруссии 46-летний **Петр Миронович Машеров**, известный своей жестокостью организатор партизанщины в Белоруссии. Он, вероятно, интриговал против Хрущева среди руководителей национальных компартий, за что теперь награжден.

7. **Первый секретарь Крымского Обкома 45-летний Иван Кондратьевич Лутак**. Он занимает пост, который позволяет ему в качестве гостеприимного “хозяина” Крыма завязывать связи со всеми отдыхающими там лидерами компартий и Союзных республик и разных областей РСФСР и иностранных компартий. Он был при агонии Тольятти, при разных встречах Хрущева в Крыму с разными лицами, мог многое узнать и тем быть полезным заговорщикам, иначе его повышение непонятно.

8. **Первый секретарь Курганского Обкома Геннадий Федорович Сизов**; этот 60-летний партиз с 1926 года, вероятно, сумел помочь столкнуться Хрущева, если теперь нашли нужным сделать членом ЦК руководителя этой далекой области.

Обращаю внимание читателей, что перевода в члены ЦК не удостоились ни маршалы и генералы, ни видные ученые или писатели и журналисты, являющиеся кандидатами ЦК: повидимому, не на них опирались заговорщики, а на этих восемь вышеназванных партийных бюрократов.

Итак, этот пленум показывает нам, какие силы объединились для свержения Хрущева. Везде печатаются портреты трех новых восходящих молодых звезд советского партийного неба: 56-летнего Шелеста и 46-летних Шелепина и Демичева — отталкивающие и жестокие лица. Они постараются сожрать дряхлеющих постепенно членов президиума ЦК. Сойдут на нет не только ставший ветераном 76-летний Шверник, 62-летний туберкулезный Сулов, 69-летний Микоян, но и постепенно упившиеся дурманом власти более молодые 60-летний Косыгин и почти 60-летний Подгорный. В мире злобы, ненависти, взаимного недоверия и подсиживания изнашиваются и стареют быстрее, чем на Западе интриганы, якобы, монолитного “коллективного руководства”, в которое никто в России не верит, ожидая, что

Из глубины пучины
Вал новый потрясает мир
И на поверхность из стремнины
Иной возносится кумир.

Мы же, народные монархисты, твердо помним, что

Не этот дух создал Россию:
Когда угас Варягов род,
На трон Царя ждал, как Мессню,
Нечтуший идилов народ.

Вот почему русский народ гораздо равнодушнее отнесся к падению, якобы, популярного Никиты, чем иностранные знатоки и журналисты!

В № 773 “Нашей Страны” помещены на 4-й странице данные о секте “Истинно Православных Христиан Странствующих”, в которой советская чекистка-журналистка Алла Трубникова, за которой невольно следует автор заметки, видит какую-то возникшую в XVIII веке секту “бегунов”, отколовшихся от старообрядцев.

Трубникова нарочно извращает факты, чтоб изобразить нашу потаенную истинно православную Церковь, отклавшуюся после декларации митрополита Сергия в 1927 году от молитвенного с ним общения, как каких-то бегунов, якобы, существовавших до революции. Этим ей удалось ввести в заблуждение незнакомого с нашей потаенной Церковью автора заметки.

Я прочел внимательно рассказ Аллы

Трубкиной в сентябрьской книжке журнала "Октябрь" и вижу, что Верховный Суд Казахстана судил вовсе не бегунов, а группу, принадлежавшую к нашей потаенной Церкви. Не желая давать показаний следователю и тем облегчить следствие, один из монахов отец Мина говорит, что они странствуют. Но это не является их учением, а вызвано только необходимостью менять местожительство, скрываясь от преследований и то же время распространять православную веру в разных областях советского безбожного мира. Но в конце допроса, когда надо исповедать свою веру, о. Мина говорит: "Мы — истинно православные христиане". Так себя называют вовсе не бегуны, а верующие нашей потаенной Православной Церкви.

Трубкинова говорит, что они меняют имена, но это всегда происходит при постриге монахов и монахинь. Из данных следствия, изложенных Трубкиновой, выходит, что одни из православных христиан продолжают работать на заводах и в совхозах и колхозах, сохраняя при этом свои паспорта и имена, а только те, которые приняли постриг меняют имена при постриге и переходят на нелегальное положение, меняя местожительство и распуская слухи о своей смерти. Интересно, из каких слоев советского народа черпает потаенная Церковь лучшие и новые кадры своего духовенства: отец Мина, по видимому, иеромонах, арестованный в Алма-Ате при обнаружении обители в доме 183 на 18-й линии (так там зовут улицы) — б. бухгалтер Богатырев, одно время проживавший по паспорту Яблонского. Он, как выражается богохульная чекистка Трубкинова, "съягитировал" в Сибири студента Новокузнецкого Техникума Александра Васильева, который не только примкнул к Церкви, но и принял постриг с именем Ильи и был послушником, готовясь к нерейскому сану в Алма-Ате, когда его арестовали вместе с отцом Миной. Солдат советской армии Геннадий Русаков дезертировал, зная, чем это ему грозит, под влиянием проповеди о. Мины и постригся с именем Руфина. 26-летний железнодорожный рабочий Александр Ширяев принял постриг с именем Виталия; студентка Зинаида Гарева постриглась с именем Сидонии. Отец Мина всех их обратил и постриг в Новокузнецке (б. Сталинске), где мне довелось отбывать свою ссылку. Это огромный город, выросший с 1929 года на правом берегу Томи вокруг гигантского металлургического завода, в котором было по данным переписи 1958 года 347.000 населения и ни одной церкви. Город казался тогда абсолютно безбожным. Знаю случаи, когда ездили крестить детей в стоящий на другом берегу Томи старый город Кузнецк в тот единственный храм, в котором венчался первым браком Ф. М. Достоевский с вдовой М. И. Исаевой. Поэтом отроду читать, что спустя тридцать с лишком лет там возникла община нашей потаенной Церкви, в которую под влиянием бесед отца Мины вступили и девушки (их несколько) из тамошнего техникума и рабочие и студенты и даже дезертировавший из армии молодой призывник. Несомненно только, что принявшие монашество покинули с отцом Миной этот город и переехали в подпольную семинарию в Алма-Ату, но в городе остались другие верующие, о спасении и духовном окормлении которых печется еще не обнаруженный органами госуд. безопасности другой иеромонах или женатый священник. Впрочем, в этих странных условиях среди духовенства преобладают монашествующие.

Трубкинова сама себе противоречит, как древние поругатели христиан, которые уверяли, что они в катакомбах поклоняются ослиной голове и припадают к крови зарезанного ими младенца. Такой же ложью являются рассказы чекистки о пьянстве и разврате монахов. Она говорит, что эта "секта" произошла от древних бегунов времен Пат-

рарха Никона, а затем повторяет, что общего с бегунами у них лишь то, что их духовенство меняет местожительство. Она говорит, что они запрещают верующим иметь паспорта и служить и учиться, а тут же говорит, что они живут за счет своих собратьев—"оглашенных", которые работают на заводах и на свой заработок содержат тайные церкви и потаенное скрывающееся беспаспортное духовенство. Это соответствует и нашим сведениям и тому, что было и в мое время. Отец Леонтий, ныне наш славный архиепископ Сантьягский и Чилийско-Перуанский, не имел паспорта и много лет жил, скрываясь у благочестивых мирян или тайнопостриженных монахинь, которые имели в порядке паспорта и служили в советских учреждениях, содержа на свои заработки и давая приют потаенного духовенства. Среди них были и врачи и инженеры и рабочие и работницы. Так было в 1941 году и потому своими словами никому теперь не могу повредить.

Но нельзя считать тунеядцами и трусами тех, о которых сама Трубкинова пишет: "инокиня Звенислава так и не вступила в брак и не знала радости материнства, ни разу не переступила порога кино или театра, зато она основательно понаторела в священном писании, впитала ненависть ко всему земному и склонность к антисоветской пропаганде, за что трижды отбывала наказание в местах не столь отдаленных". Какой героиней-исповедницей надо быть, чтоб, трижды отбыв заключение в концлагере, продолжать служить в потаенной Церкви!

Есть и другое, что делает этих исповедников непохожими на "бегунов". Они сумели организовать религиозное образование для своего духовенства и для монашествующих скитающихся проповедников обою пола.

Со всей Сибири (из Мариинска, Новокузнецка, Курганской области и др. мест) съезжались послушники на станцию Янги-Юль в Ташкентской области. Там около кладбища в небольшом домике они проходили курс своеобразной семинарии: "в доме имелось три запасных выхода на случай, если надо ретироваться; из окошечка в сенцах отлично просматривалась дорога, около печки был неприметный люк... перед началом учения каждую ученицу знакомили с правилами поведения — куда прятаться по сигналу тревоги...". Отвечая требованиям современности, там проходили не только катехизис, богослужение, священное писание, но и "охраняли марксизм, политику компартии; предаваясь сладостным воспоминаниям о царствовании дома Романовых, злобно оханвали революцию и ее великие завоевания" (стр. 169). Далее оказывается, что наиболее способные отсюда направлялись на станцию Тюлькубас в соседнем Казахстане (Янги-Юль находится в Узбекистане). Там школа повышенного типа, откуда выходят преподавательницы других школ первого типа. На экзамены приезжал отец Мина.

При обысках были найдены в отдушинах печей, в сидениях кухонных табуреток, в спинках кресел, даже в собачьей конуре не только богослужебные книги и молитвословы, но и новые курсы апологетики, доказывающие бытие Божие, опровергающие марксизм и дарвинизм. "Следователь перелистывает страницы толстого сборника; писались они в разное время на разных машинках и подклеивались в один переплет. На какие темы ведется речь: о мироздании, о материи, о происхождении жизни на земле. Всякий раз речь сводится к отрицанию материалистической философии. Сборник дышет ненавистью ко всему советскому" (стр. 163).

Трубкинова радостно сообщает, что после заключения некоторые на суде отреклись от веры, были оправданы и пошли работать на заводы, проживая на квартирах у чекистов (для лучшего надзора). В этом нет ничего нового. В

древности отпадения бывали при каждом гонении, но христианство победило. Рассказ заканчивается явным страхом перед потаенной Церковью и призывом против нее бороться. Хотя отец Мина, Илья, Варлаам, инокиня Звенислава приговорены к концлагерям, наряду с другими верными, Трубкинова пишет: "еще притаились благодетели (так называют мирян, которые работают в советских предприятиях и укрывают и содержат на свой заработок потаенное монашество), еще бродят где-то странные людишки, еще где-то злобствует и мечтает сколотить новую секту некий Никон Степанович (еще шифрованное имя руководителя всех арестованных в Алма-Ате и других городах, которого не удалось найти; возможно, потаенный епископ). Это — злопыхатель и автор многих текстов, фигурировавших на суде в качестве вещественных доказательств. Еще нет-нет да пропадают без вести то юноша, то девушка" (стр. 177). Автор-чекистка призывает население и партактив бороться с этой Церковью, которую не может уничтожить Комитет Гос. Безопасности. Пусть вспомнит она мудрые слова врага христианства фарисея Гамалиила: "А если это дело от Бога, то вы не можете его разрушить. Берегитесь, чтоб не оказаться и богопротивниками" (Деяния Св. Апостолов, гл 5, ст. 39).

В сентябре с. г. умер известный советский писатель Иосиф Соломонович Гроссман, принадлежавший к плеяде "либеральных писателей, группирующихся вокруг возглавляемого поэтом А. Т. Твардовским "Нового Мира". Он родился на Украине в 1905 году, окончил физико-математический факультет в Москве в 1929 году и стал писать с 1934 года, работая инженером техники безопасности. Известны его романы "Степан Кольчугин" (1940), "Народ бессмертен" (1945), "За правое дело" (1952). Последние годы был тяжело болен и ничего не писал.

16-го ноября скончался на 79-м году жизни, в Ленинграде, Член-корреспондент Академии Наук Михаил Васильевич Доброклонский. Сын врача-директора Императорского Воспитательного Дома, правед 70-го выпуска (1909 г.) Михаил Васильевич с 1919 года работал в продолжение 45 лет в Эрмитаже и стал самым крупным историком западно-европейской живописи и художественным критиком. Из его работ пользуются заслуженным признанием в иностранных и русских кругах знатоков искусства "Рисунки итальянской школы XV и XVI веков" (1938), "Рисунки Рубенса" (1940), "Рисунки фламандской школы XVII и XVIII веков" (1952), "Новая атрибуция Паоло Гвидони" (1960). В этих трудах можно изучить все те богатства иностранной живописи, которые приобретены за века Императорского периода и хранились в Эрмитаже. Михаил Васильевич преподавал десятки лет историю Западного Искусства в Ленинградском университете и только в последние годы тяжкая болезнь лишила его прежней работоспособности. Но он был всегда очень популярен не только среди работников искусства: праведы знали его, как убежденного монархиста, не пропускавшего ни одного раза 5/18 декабря литургии и заупокойной панихиды по Государям, Августейшим попечителям и бывшим правоведам, пока до 1925 года это было возможно. Его уход в историю Западного искусства прошлых веков позволил ему избежать арестов и концлагерей, которые постигли почти всех его старших и младших товарищей — праведов. Михаил Васильевич встречался с правоведами, число которых в Ленинграде все редело; бывал на укромных панихидах по тем, которые были расстреляны или погибли в концлагерях, о чем узнавал от их близких. Глубоковерующий, он ни разу не поддавался искушению вступить в ряды компартии, чем опозорили себя многие старые ученые. Замкнувшись в свою область чистого искусства, Михаил Васильевич пережил зинovieвщину, кировщину, ежовщину, военную голодную блокаду и продолжал научные труды; последняя его работа об итальянских картинах Паоло Гвидони вышла, когда ему шел 75-й год. Профессором он был с 1923 года, а членом-корреспондентом Академии Наук с 1943 года, получив это высокое звание в осажденном городе. Да вспомнят рассеянные по миру праведы своего товарища, верного заве-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЕВРЕИ В СССР

Нам пишут из Нью Йорка: Участники съезда ортодоксальных иудейских общин в Америке разошлись во мнениях о тактике, которой евреи в Соединенных Штатах должны придерживаться при оценке положения своих единовверцев в СССР.

Раввин Бернард Пупко высказал мнение, что "возглавители всех вероисповеданий во всем мире должны впредь обращаться к советской власти скорее с просьбами и ходатайствами, чем с критикой и протестами, для того, чтобы добиться устранения тех политических, экономических и социальных преград, которые отделяют советских граждан-евреев от их религиозного и культурного наследия".

"Я побывал в России, — заявил раввин Пупко, — и знаю кое-что о мнениях и настроениях коммунистов и, поэтому, я сомневаюсь в целесообразности протестов и демонстраций".

Ему возразил доцент по кафедре советской политики Хантер-колледжа в Нью Йорке, д-р Эрик Гольдхаген, который сказал, что "все, что было до сих пор достигнуто в области улучшения положения советских евреев, было сделано только благодаря давлению извне".

Надежда на то, что советские "вожди" могут пойти на изменение положения евреев в СССР, основана, по мнению д-ра Гольдхагена, на непонимании психологии и свойств советского руководства. Это руководство, по его мнению, отходит от своих позиций только под давлением.

Через несколько дней после этого съезда в Нью Йорке состоялась демонстрация 300 иудейских раввинов, членов местного городского совета раввинов, в который входят представители всех трех ветвей американского иудаизма — ортодоксальные, консервативные и либеральные раввины.

Демонстрация предшествовало собранию совета, в котором, в качестве гостей, присутствовали губернатор штата Нью Йорк Нельсон Рокфеллер и сенаторы Роберт Кеннеди (брат убитого президента) и Джэвитц. Из них первые два — не евреи.

Рокфеллер, в своей речи, обвинил Советский Союз в "безбожном, жестоком отрицании иудейско-христианского религиозного наследия" и указал на закрытие синагог и на уничтожение еврейских кладбищ в СССР, как на примеры гонения на иудейскую веру.

Кеннеди заявил, что свободный мир "должен ясно сказать, что отношения между СССР и Западом не смогут стать нормальными, пока советская власть отказывает миллионам людей в праве исповедывать их веру".

Джэвитц сказал, что внесенный им в американский Сенат проект резолюции, осуждающей "советское гонение на евреев", был принят почти единогласно, но был затем похоронен в образованной обоими палатами Конгресса комиссии по окончательному согласованию текста этой резолюции.

Он прибавил, что президент Джонсон, несомненно, "когда-либо, где-либо и как-либо встретится с русскими вождями" и что в повестку этой встречи должен быть включен вопрос о "преследовании советских евреев".

После собрания 300 раввинов с плакатами, на которых была написана обращенная к "новому советскому руководству" просьба "вернуть трем миллионам евреев их религиозные и культурные права", прошли по улицам Нью Йорка к зданию Объединенных Наций. Оттуда состоявшая из шести раввинов делегация отправилась к зданию советской делегации в Объединенных Нациях и сделала безуспешную попытку вручить этой делегации резолюцию собрания, но не была впущена в это здание.

там Училища и внесшего в страшных условиях советского гнета свой большой вклад в русскую историю западного искусства прошлых веков. Мир его светлой душе!

Алексей Ростов

С благословения Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Архиепископа АФАНАСИЯ, в воскресенье, 10-го января 1965 года, в 16.30 час. Сретенское Сестричество устраивает

ТРАДИЦИОННУЮ ЕЛКУ

В 20 ЧАСОВ — СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК ДЛЯ МОЛОДЕЖИ
Чтобы обеспечить всех подарками, покорнейшая просьба записать детей в ближайшее время у сестер Собора и в приходах.

Елка состоится в Корпусном Доме (Вижа Бажестер, ул. Сан Мартин 344).

А. Соллогуб

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

К 100-летию издания Судебных Уставов Императора Александра II

20 ноября 1864 г. — 20 ноября 1964 г.

3 декабря — 20 ноября по старому стилю — с г. вся Зарубежная Русь празднует 100-летие Судебных Уставов Императора Александра Второго, Царя Освободителя, Царя Преобразователя.

Одно царственное имя, украсившее собою наименование судебных уставов может служить яркою и точною характеристикой этого великого законодательного акта и указанием, что несли и внесли в жизнь Императорской России новые, образованные по этим уставам суды. Они несли яркий и ясный свет во всякого рода тьму беззакония; несли народу величайшее из благ — благо правосудия, а преступным нарушителям закона государственного последнее утешение отверженных — милость.

Российские Державные Правители — в начале Великие Князья, затем — Цари и Императоры, начиная от Св. Великого Князя Владимира, при котором Русь приняла христианство, и вплоть до трагического 1917 года, ставили своею главною задачею — сначала в народном быту, а потом, после выхода на международную арену, и в международном масштабе — стараться о том, чтобы люди жили "по Божьему", то есть практически исполняли заповеди Христовы, как они переданы христианскою Православною Церковью, и на этом фундаменте строили Русское Государство и Русское Законодательство.

"Православная Церковь положила начало Русскому Законодательству. Проповедью и церковною практикою Церковь показала, как надо жить и действовать в делах личных и общественных" (историк Платонов).

Эти христианские, евангельские начала вошли в русское законодательство, начиная с первого свода законов под названием "Русская Правда", составленного Великим Князем Ярославом Мудрым (1019-1054 г. г.), в котором не было наказания, лишающего человека жизни — смертной казни, так изобильно применяемой в те времена на Западе.

Татарское иго и, в связи с ним, временное распадение Руси парализовали всякое правовое начало. И только при Великом Князе Иоанне III, сбросившем окончательно татарское иго и объединившим все удельные княжества около Москвы, издан был опять один общий кодекс "Судебник Великого Князя Иоанна Третьего" (1497 г.).

В 1550 году, при первом Русском Царе Иоанне IV Грозном, "Судебник" был дополнен и, в отличие от "княжеского" Судебника 1497 года, стал называться "царским". Нововведения в Царском Судебнике были направлены, главным образом к тому, чтобы суд был "праведным и справедливым". На суде царских наместников должны были присутствовать выборные от народа старосты и "целовальники" (присяжные).

XI-й ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВИТЯЗЕЙ

открывается 18-го января на земле организации в местечке "Ла Болса" в горах Кордоба.

Прекрасный здоровый климат, вкусное и обильное питание, интересные прогулки и экскурсии, опытный педагогический персонал.

Принимаются дети от 10 лет. Записаться можно: в Школе НОВ по субботам от 11 до 13 час., у нач. округа гр. Уварова по субботам и воскресеньям в Соборе Воскресения Христова.

Запись закрывается 1 января 1965 г.

СЕМЕЙНЫЙ ПАНСИОН

в основом лесу, на берегу океана, — идеальное место для летнего отдыха. Цена — 50 ур. песо в сутки и чаевые прислуге по усмотрению клиента. Вместимость ограниченная, рекомендуется записываться заранее.

Адрес для писем: Dr. M. Karateeff, Balneario Atlántida, R. O. del Uruguay.

Однако, наступившее вскоре, в связи с прекращением рода Династии Рюриковичей, междоусобице и "Смутное время" нарушили опять правовой порядок и правосудие в Государстве, и только при Царе Алексее Михайловиче, в 1649 году, был издан, согласно воле Государя, свод законов "Соборное Уложение Царя Алексея Михайловича", чтобы "всяких чинов людям, от большого до меньшего чину, суд и расправа была во всех делах всем равна".

Но после преобразования Петра Великого этот новый законодательный кодекс оказался устарелым и несовершенным. Начиная с Петра Великого, все Русские Государя сознавали необходимость составления нового кодекса и делали все необходимое в этом направлении.

Выполнить громадную кодификационную работу было суждено Императору Николаю I. В 1830 было издано "Полное Собрание Законов Империи" и в 1833 году "Свод Законов Российской Империи".

Россия получила законы, точные, гуманные, богатые, сияющие Правом и Правдою, но не было правильного суда. Дореформенный закрытый суд, с равенством пред ним сословий, с исключительно письменным производством, притом же основанном на докладах не всегда беспристрастных секретарей, которые фактически и держали в руках судьбу всякого дела, суд не по убеждению совести, а на основании формальных доказательств, суд волокиты и в значительной степени находящийся в зависимости от администрации — не был на высоте и заставлял желать много лучшего.

Обновление суда и издание судебных уставов выпали на долю Сына Императора Николая I — Императора Александра Второго Освободителя, пополнившего Русское Законодательство непревзойденным, единственным в мире по своей гуманности и христианской любви и милосердию Судебными Уставами 20 ноября 1864 года, встреченными ликованием всей России.

"Открытие нового суда наполнило сердца всех верноподанных радостью, какую Россия испытывала в лучшие минуты своего исторического существования", — было сказано в всеподданнейшем адресе С.-Петербургской Городской Думы.

Такой же радостью были наполнены и приветствия печати. "Московские Ведомости" писали: "По манию Царя открылись настуже двери правого, скорого, милостивого и равного для всех суда... Только с точки зрения нового судебного преобразования раскрывается широкая перспектива нашей политической будущности. С этим преобразованием входит в нашу жизнь новое начало, которое не замедлит отозваться во всем. Действие его не ограничится только сферой судебных установлений: как тонкая стихия, она разольется повсюду и всем даст новое значение, новую силу. Суд, отправляемый публично, при участии присяжных, будет живою общественною силой".

Так широко понималась и тогда уже судебная реформа 20 ноября 1864 года, и такой в действительности она и оказалась. "Это не было только судебное преобразование, это была закладка третьего устоя, долженствовавшего вместе с освобождением крестьян и земским самоуправлением образовать фундамент нового общественного строительства", — писало в 1914 году — в 50-летие Судебных Уставов — "Новое Время".

Что Царственный Законодатель придавал судебной реформе смысл более глубокий, чем одно усовершенствование судебной процедуры ясно из Высочайшего указа, которым Император Александр Второй повелел опубликовать судебные уставы во всеобщее сведение: "Рассмотрев сии проекты, — говорится в Высочайшем указе, — Мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех поданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невоз-

можно общественное благосостояние и которое одлжно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего". Указ заканчивался призывом благословения Всевышнего на успех "этого великого дела". И Всевышний благословил великое дело.

Судебные Уставы Императора Александра Второго, утвержденные Им 20-го ноября 1864 года, представляют собою 3 отдельных кодекса: 1) Учреждение Судебных Установлений — система и порядок деятельности русских судов; 2) Устав гражданского судопроизводства и 3) Устав уголовного судопроизводства.

Если Судебные Уставы в целом считаются жемчужиной Русского Законодательства, то Устав Уголовного судопроизводства, по проникающему его духу высшей гуманности и бережного отношения к человеческой личности, идет несравненно впереди всех известных нам законодательных памятников. "Правда и милость да царствуют в судах" — провозгласил Государь Преобразователь в манифесте, сопровождавшем издание Устава Уголовного Судопроизводства. И действительно, отыскание правды и применение возможной милости к человеку совершившему преступление являлось главною задачею русского суда, действующего по Судебным Устам Императора Александра II.

Достаточно вспомнить суд присяжных, как право народа творить суд над преступившими законы согражданами. Вначале это вызвало споры и острые пререкания о пригодности присяжных для решения судебных дел, в которых часто не легко разобраться и специалистам-юристам.

Но русские присяжные заседатели полностью и всегда оправдывали себя: они искали прежде всего правду и оценивали ее "по-Божьи", с точки зрения великого правды и богатого совестью русского народа, народа-богоносца, душевные качества которого не раз открывались в великих, жертвенных подвигах. Он получил право судить нарушителей запретов своим судом, по правде, "по-Божески", по совести, во имя блага народного и обеспечения его материальных интересов и того, что дороже всяких достатков — чести и совести.

52 года творился суд правый и милостивый, до минуты, когда Промыслу Божию угодно было ниспослать России и Русскому Народу очередное испытание — коммунистическую кабалу: страшную, жестоку, кровавую неволю преступных хулиганей России со всем ее великим историческим прошлым, разбазаривших все и государственное и народное богатство Великой Страны, уничтоживших даже самое имя "Россия", заменив его циничным "СССР".

Закрывают уста некогда свободного и свободолюбивого русского народа — на них наложена кровавая печать преступных коммунистических владык; народ не только лишен свободного слова, но и свободной мысли — все сковано бесчеловечным, кошмарным террором.

Само собою разумеется, что в таких условиях русский народ не может отметить таких великих исторических событий прошлого, как установление Судебных Уставов Императора Александра II — Царя Освободителя, Царя Преобразователя, ни даже вспомнить о них.

Одно воспоминание о правом и милостивом суде было бы совершеннейшим обличением и внушительным обвинительным актом против преступной советской власти, давшей русскому народу, вместо суда правого, милостивого и равного — кровавые застенки беззаконных Чрезвычайки, ГПУ и НКВД; вместо гуманных и справедливых судей — преступных, бездушных садистов-палачей, ненавидящих Россию и все русское; вместо правды и милости — неслыханные в истории человечества — несправедливость, жестокость, издевательства и пытки; вместо закона и судебных уставов — полное бесправие и произвол, основанные на предвзятости и садизме; вместо гуманности, любви и милосердия — грубость и унижение, ненависть, полное умаление самолюбия и человеческого достоинства.

Зато все Русское Зарубежье торжественно отмечает этот знаменательный Юбилей 100-летия Судебных Уставов Императора Александра II — незабываемый, законодательный акт нашей Великой Российской Империи.

Особенно способствуют тому, хотя уже и немногочисленные, но мажорные

ПОЛУЧЕНЫ в ограниченном количестве ОТРЫВНЫЕ ЕЖЕДНЕВНЫЕ КАЛЕНДАРИ МАРТЪЯНОВА на 1965 год

Цена — 225 песо.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК к РОЖДЕСТВУ!

Заказывать письменно:

B. Riasnianski, Larrazabal 2870

Buenos Aires

или по телефону 60-3843.

ПСИХОЛОГ ДОКТОР П. КУЗЬМИН

- Изучение личности.
- Профессиональная ориентация.
- Измерение способностей.

Проблемы психологического порядка: НЕВРОЗЫ, ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ, ПОВЕДЕНИЯ, УЧЕБНЫЕ, СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

Прием по предварительной записи по телефону 45-7881 — вторник, четверг и суббота от 14 до 20 часов. Alsina 1586, 2º Piso, Dep. 3, Capital

ДОКТОР
Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
принимает
по средам и пятницам от 18 до 20 ч.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Новый телефон 701-8413

и достойные Объединения Русских Юристов нашего рассеяния, среди которых надлежит особо отметить Объединение Русских Юристов бывш. ДИ-ПН в Америке имени Присяжного Поверенного К. Н. Николаева, находящееся под покровительством Отца нашего Блаженнейшего Митрополита Анастасия, созданное по инициативе и труду прис. повер. К. Н. Николаева еще в Германии под названием "Общество Русских Зарубежных Юристов" и перенесенное им затем, в связи с переездом за океан, в США, в Нью Йорк.

Объединение Русских Юристов бывш. ДИ-ПН в Америке с его Председателем К. Н. Николаевым твердо и определенно хранит все национальные русские заветы и устои, что и привело Объединение к покровительству Блаженнейшего Митрополита Анастасия, бесспорного авторитета Русской Православной Церкви за границей, Церкви, которая является сейчас символом и олицетворением Русской Православной Церкви и Русской Государственности, Хранительницей их чистоты и законности.

Объединение это с особенным почтением и пламенной любовью относится к Памяти Царя-Преобразователя — Творца Судебных Уставов. В 1961 году, в 100-летие со дня освобождения крестьян Александром II, Объединение отметило этот Великий Юбилей весьма торжественно и церковно, и торжественным Собором, посвященным Великому Преобразователю России и Его реформам, посвятив одновременно этому юбилейному событию номер своего юридического журнала "За Право и Правду".

И ныне, 13-го декабря с. г. Объединение торжественно отмечает Юбилей 100-летия Судебных Уставов Императора Александра II: 12-го декабря Панихидой по Творце Судебных Уставов убиенном Императоре Александре Втором, а 13 декабря с. г. Молебном о спасении России и восстановления Судебных Уставов Царя Освободителя и Торжественным Собором, посвященным великим судебным реформам Императора Александра Второго.

Благоговенно склоняясь пред памятью Царя Освободителя и Преобразователя Императора Александра Второго, мы твердо верим, что близок час, когда измученный, подъяремный русский народ сбросит ненавистное ему безбожное иго преступных расстрелителей России, про которых прокурор Муравьев на процессе убийц Императора Александра II сказал исторические слова: "Когда Желябовы смеются — Россия плачет", и над Россией засияют опять светлые лучи Любви, Права и Правды.

А. Соллогуб

Г. Месняев

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

(К 20-летию Пражского Манифеста)

В ноябре 1944 года, когда в Праге, в торжественной обстановке, ген. А. А. Власов огласил от имени Комитета Освобождения Народов России, так называемый, Пражский Манифест, дни Третьего Райха были уже сочтены.

Это было совершенно очевидно для каждого мало-мальки объективного наблюдателя тех дней, а теперь, когда прошло с тех пор два десятка лет, это совершенно бесспорно для каждого, кто помнит и знает то время.

Однако, в те крайне сложные, запутанные, тяжелые и смутные дни, среди миллионов русских людей, недавних советских подданных, скопившихся по разным причинам в Германии, объективных людей почти не было. Эти русские люди и не могли и не хотели быть тогда объективными. Они верили, или, вернее, страстно хотели верить в то, что вопреки всей очевидности, Германия победит и своей победой принесет освобождение России от ненавистной советской власти. Русские люди тогда были готовы мириться со многим, лишь бы добиться освобождения.

Поэтому-то и создание Комитета Освобождения Народов России и обнаружение Пражского Манифеста было встречено с неподдельным энтузиазмом.

Говорят, что в те дни в Германии было около 20 млн. русских людей всяких положений, состояний, направлений и взглядов. Можно было считать, что в Германии уместилась тогда во всем ее многообразии подлинная Россия в миниатюре. И вот эта-то Россия своим явным и единодушным одобрением, так называемого, власовского движения, показала, что движение это было на редкость подлинно народным, отражавшим истинное отношение русского народа к преступному и противоестественному советскому строю.

Все, кто пережил те дни в Германии, работая на фабриках, заводах или у немецких бауэров, хорошо помнят это отрадное ощущение общности своих чувств и мыслей со всеми своими соотечественниками и то состояние некоторой восторженности, в которой пребывали тогда русские души.

Передо мною сейчас пожелтевшие листки случайно сохранившегося письма, датированного последними днями ноября 1944 года. В этом письме, в частности, написано: «Что касается Освободительного Движения, то я твердо верю, что это естественное и неизбежное следствие войны и большевизма должно сыграть большую роль и свергнуть сов. власть. Ведь в Германии 23 млн. сов. граждан (не считая эмигрантов) и, главным образом, молодежь — военная, мобилизованные и эвакуированные. Создать из нее армию в несколько миллионов вполне возможно, а агитация

среди красноармейцев должна найти отклик. Я думаю, что и эта война закончится «братанием» на фронте, но не с немцами, как в 1917 году, а со своими же».

Вот каковы тогда были надежды и умонастроения. Естественно, что при наличии их, отношение к «власовству» и не могло быть иным, как не только сочувственным, но и восторженным.

Никто тогда, естественно, и не думал придирчиво и скрупулезно толковать и обсуждать каждую букву и каждое слово манифеста. Важны были не слова и тем более не буквы, а то дуновение свободы, которое нес с собой Пражский Манифест, то ощущение свежести, свободы мысли и слова, от которого давно отвыкли недавние подневольные советские подданные.

В Манифесте, например, говорилось о плутократах Англии и США, которые угнетают и эксплуатируют другие народы. «Под защитой демократии, — говорилось в Манифесте, — они (силы разрушения) понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов».

Для каждого русского человека, читавшего эти строки, было тогда совершенно понятно, что относятся они вовсе не к западным демократиям, хотя и адресованы им, а имеют в виду и гитлеровскую Германию и сталинскую Россию.

Одним словом, для русских людей тех дней имело значение и ценность не то даже, что было сказано в Манифесте, а то, что было в нем недосказано или сказано прикровенно. Главное же, что ценилось в нем — это созвучие устремлений составителей Манифеста с устремлениями, надеждами и мечтами множества русских людей, с отвращением и ужасом отряхнувших тогда советский прах со своих ног.

Пражский Манифест в то время не был и не мог быть документом политическим, он был и остается по сей день бесценным свидетельством неистребимого русского идеализма, русской веры в Правду, русского стремления к жертве ради этой Правды. Позже, генерал А. А. Власов, его ближайшие соратники и множество рядовых власовцев своей жизнью и кровью подтвердили свою верность русским народным идеалам и свой русский идеализм.

И сейчас нельзя без волнения читать слова казенного советчиками генерала Меандрова, писавшего в своем завещании о том, что подвиг власовцев не пропадет даром и что западные народы поймут их правоту, чего — увы! — не случилось.

И еще раз, самым трагическим образом, русскому идеализму и русскому патриотизму суровой и беспощадной жизнью был нанесен сокрушительный удар. Цивилизованная Европа вкупе с такой

же Америкой, с легкой душой и беззаботным сердцем, отдала власовцев на расправу Сталину. Все надежды, все мечты и упования были самым жестоким образом обмануты.

Ну, а что же теперь? Где власовцы, как они политически живут, что делают, что они представляют собой, продолжают ли они и по сей час посильную борьбу с врагом?

Немногие могут ответить на эти вопросы. Как это ни странно, но мы, российские эмигранты, разбившись на разные течения и группы и замкнувшись каждый в свою скорлупу, мало, а иногда вовсе не знаем, что делается у соседей, почему-то считаемых нами чужими по своим взглядам и настроениям.

А, между тем, чем дальше мы уходим от истоков нашего разделения, тем меньше делается смысла в нашем расхождении и взаимном непонимании.

Пражский Манифест, например, исходит из признания исторической ценности Февральской революции. Одной из своих целей КОНР считал «возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года».

Мы не считаем и не считали Февральскую революцию спасением России, а видели в ней смертельную опасность, что и оправдалось полностью. Мы не видели и не видим каких-либо особых прав, которые, якобы, были завоеваны народом в 1917 году. Считаем, что все, что должно быть отвоевано от большевиков, было давним достоянием русских людей, которым они пользовались задолго до революции.

Но, однако, все эти рассуждения, в данное время, имеют только историческое значение, могут быть только предметом исследований и толкований историков и предметом спора для людей, которые еще живут в прошлом и не хотят уразуметь того, что жизнь ушла далеко вперед и ставит перед нами другие задачи. Одним словом, как говорят теперь, вопросы русского прошлого — сейчас не актуальны.

Актуальным же вопросом остается вопрос о советском строе, одинаковость отношения к которому не только может, но и должна объединить все антикоммунистические группы эмиграции.

И вот, в этом-то смысле, очень полезно познакомиться с тем, что представляют собой власовцы наших дней, кто они такие, что они делают, о чем думают и на что надеются.

С удовлетворением мы узнаем, что в Северной Америке, власовцы, входящие в, так называемый СБОНР, не бездействуют, что они, в большинстве своем люди молодые, энергичные и крепкие, не перестают помышлять о борьбе и о тех средствах, с помощью которых можно поколебать коммунистическое владычество над русским народом. Особенностью их является то, что они не замыкаются в прошлом, а, боясь отстать от современных умонастроений и стремлений русского народа на родине,

БЛАГОДАРНОСТЬ

В воскресенье, 6 декабря с. г., по случаю ДЕСЯТИЛЕТИЕЮ юбилея Русской Субботней Школы Евгения Станиславовича Селезнева и Мария Станиславовна Покровская поставили спектакль «Чудеса на нашем хуторе», при участии всех учеников Школы. Спектакль, как известно всем присутствовавшим, прошел блестяще.

Монтаж, декорации — все собственноручная работа — песни и игра детей вызвали громкие аплодисменты публики, долго приветствовавшей маленьких артистов.

Мы, родители этих учеников, от души поздравляем Евгению Станиславовну и Марию Станиславовну с этим огромным успехом, явившимся самой большой наградой им за все их труды в течение всего года, и просим их принять нашу самую глубокую благодарность и пожелания здоровья и сил для продолжения такой же успешной работы в будущем.

Родители

они всеми способами стараются уловить и усвоить все то новое, что пронзилось в русской психологии за двадцать лет, протекших со дня Пражского Манифеста.

Установление живой связи, проникновение через щели Железного Занавеса, передача живой и свободной мысли на ту сторону баррикады, — вот основная задача, которую преследуют власовцы, развивающие свою политическую деятельность здесь, в Америке.

Достаточно познакомиться с теми их изданиями, которые предназначены для той стороны, чтобы в достаточной мере оценить плодотворность политической деятельности власовской части эмиграции.

«Маркс о России», «Диктатура КПСС, режим политических провокаторов и массовых убийств», «Комсомол», «Марксизм в наше время» и другие брошюры, написанные понятно и обоснованно, имеют несомненно большую убедительную силу. И, если они дойдут до тех, для кого они предназначены, то цели, которые ставятся людьми их распространяющими, будут достигнуты в значительной степени.

И теперь, когда власовцы отмечают двадцатилетие Пражского Манифеста, являющегося, в их понимании, первоисточником их программы, — всем русским антикоммунистам следует подумать о том, чтобы как-то, особенно теперь, когда редеют наши ряды, — достичь большей сплоченности между собой и большого доверия друг к другу.

Может быть тогда, когда наступят сроки, наши общие надежды не будут столь трагически обмануты, как были обмануты они много раз раньше.

Г. Месняев

Б. Башилов

К океану, в котором рождается солнце

ОБРАТНО В РОССИЮ

Во время обратного плавания Шелихов предполагал продолжать поиски неизвестных островов. Он намеревался, придерживаясь 45 градусов северной широты, плыть прямо к западу, а поравнявшись с мысом Лопатка*), подняться к нему и, пройдя между Камчаткой и островом Сумшу, вернуться в Охотск. Такое направление Шелихов избрал в надежде обнаружить, между 50 и 40 градусами северной широты, неизвестные острова. Но этот план выполнить не удалось. Все лето дули южные ветры и пришлось идти прямо на Камчатку.

Лавируя, галиот прошел с юга мимо островов Сигуам, Амлю и Ахту и вышел в открытый океан, взяв курс на мыс Лопатку. В конце июля галиот бросил якорь у острова Сумшу. Двенадцать больных русских охотников, исполнявших обязанности матросов, окончательно слегли, и вместо них были поставлены молодые каяки, которых Шелихов вез в Иркутск.

Восемнадцатого августа «Три Святителя» находились уже около Большерецка. Галиот стал на якорь в устье небольшой речки. Шелихов на байдаре съехал на берег для покупки у камчадалов свежей рыбы для больных. Но пока он был на берегу, налетел сильный шквал и галиот сорвало с якорей. Оставшиеся на галиоте больные и еще неопытные каяки не смогли управиться с галиотом и его понесло в открытое море.

Наняв небольшой бот, Шелихов пустился на нем к Большерецку,

надеясь там застать галиот. Но галиота там не оказалось, его, как узнал Шелихов, видели идущим к Охотску.

В Большерецке Шелихов узнал, что в Петропавловскую бухту прибыл какой-то иностранный корабль. Шелихов купил лошадей и пробыл в пути двенадцать дней прибыл в Петропавловск. Английский бриг, принадлежавший Ост-Индской компании, все еще стоял в бухте. Капитан брига Виллиам Питерс пригласил Шелихова на корабль. Шелихов охотно поехал. Он с любопытством рассматривал устройство большого корабля, его паруса, такелаж, вооружение. Корабль был трехмачтовый, весь из красного дерева, вооружение его состояло из двенадцати пушек.

Питерс пригласил Шелихова в свою каюту, стены которой были увешаны картами южных морей, гравюрами и религиозными масками туземцев Явы, Борнео и Индо-Китая. За бутылкой джина завязался дружеский разговор. Шелихов допытывался у Питерса и его офицеров за чем и с какими целями бриг пришел на Камчатку, куда он думает идти дальше. Виллиам Питерс рассказывал, что привез камчатскому начальству письмо с предложением компании снабжать Камчатку и Охотск английскими товарами. Питерс разложил на столе карту и показал на ней свой маршрут.

Экипаж корабля состоял из четырех офицеров — трех англичан и одного португальца, команда была укомплектована англичанами, китайцами и арабами. Шелихов узнал, что двенадцатого марта бриг вышел из Бенгалии, шестнадцатого апреля был в Малакке, двадцать девятого мая пришел в Кантон и отправился в Петропавловск, куда и прибыл после двухмесячного плавания. Поздно вечером Виллиам Питерс на шлюпке сам проводил Шелихова до его дома.

На следующий день Шелихов договорился с Питерсом о покупке у него всех привезенных товаров. Это был первый случай торговли русских с кораблем Ост-Индской компании.

*) Мыс Лопатка — оконечность Камчатки.

Война продолжается

1914—1964

Стенограмма доклада А. Макриди на обороне «Русского Творчества» в Сиднее

На Северном Кавказе, внутри горы Машук, у подножья которой юборвались жизнь и творчество Лермонтова, есть широкая и высокая куполообразная пещера с отверстием в зените, через которое пещера наполняется рассеянным дневным светом. Над головой висят огромные глыбы камня, испещренные глубокими расщелинами. В них гнездятся летучие мыши, бесшумно мечущиеся по всей пещере и живут злые духи. А внизу, почти вровень с полом, под стеной трещина большой серной источник, горячий, с постоянным клубящимся над ним паром, таким же голубым, как он сам.

Несмотря на большой уют с образом Николая Чудотворца и лампадой перед ним, вас трудно было бы переубедить в том, что вы попали в древнее капище.

Пещеру обнаружили после того как, по преданию, в нее провалился горный козел, прыгнувший с высоты. Так она и называется — «Провал». Сбоку, через горную толщу, в нее пробит вход, длинный, прямой и круглый, напоминающий пушечное дуло.

Было бы несправедливо всю ответственность за провал возлагать на козла; он только завершил внутренний распад горы, а главным архитектором пещеры и виновником провала был, поднимающийся из недр земли серной источник, глубину которого не смог определить ни один ученый.

То же самое можно сказать и о Первой Мировой войне; и у нее есть свой исторический козел отпущения — юный террорист Гаврила Принцип, невесть кем обманутый и соблазненный на бессмысленное злодейство; и в возникновении ее повинен внутренний нравственный, а следовательно и политический распад Старого Света. Причины этого распада протягиваются в такие глубины истории, что лучше их сейчас не касаться. Ограничимся, поэтому, поверхностным освещением европейской предвоенной обстановки, как ее описывают современники. Описания эти, разумеется, не одинаковы, временами и противоречивы, но в них уже можно разобраться, и уж во всяком случае, авторы воспоминаний сходятся на одном: из-за накопившихся геополитических и национальных противоречий, Европа напоминала пороховой погреб.

Изучение документов того времени позволяет согласиться с таким сравнением, но невольно возникает мысль о том, что ведь не каждому же пороховому погребу обязательно взрываться. Для этого нужны рожки или злоумышленники. Из тех же документов видно, что их было достаточно, но видно и другое: миротворцев и людей просто боявшихся войны, среди политиков было гораздо больше, и если, все-таки,

преуспели злоумышленники, то не благодаря своей силе и влиянию, а главным образом потому, что они оказались в ряду государственных деятелей, кони историей были доверены спокойный труд и мирная жизнь сотен миллионов людей. В самом деле! Как можно убеждать от огня, если в пожарную команду затесались поджигатели?

Такими поджигателями была малая, но озорная кучка австрийских графов, светских львов, блестящих фехтовальщиков, подходивших к политическим препятствиям по-кавалерийски. Предводительствовал ими Леопольд граф Берхтольд фон Унгаршиц-Франтинг-Пуллицц, министр королевского Двора и иностранных дел Австро-Венгрии.

Характеристика этого человека не оставляет сомнений в том, что столь высокое положение в политике он занимал совсем незаслуженно, подчиняя династические и национальные интересы Соединенного Королевства личными амбициями. Граф Берхтольд лелеял стародавнюю мечту о безраздельном господстве Австрии на Балканах и в попытках ее осуществить успел дважды претерпеть дипломатическое поражение, разогревшее мечту до крайности. Покушение на эрцгерцога и его жену вопиющие графы сочли наилучшим поводом к тому, чтобы, по выражению Берхтольда, «растоптать Сербию и стереть ее имя с географической карты».

Однако, трудно в истории войн найти повод менее справедливый и более нелепый. Эрцгерцог Франц-Фердинанд был не сыном императора Франца-Иосифа, как это считают некоторые наши журналисты, а племянником. Причем, и это самое главное, правами которого на престолонаследие австрийский император тяготился. После упорного, но безуспешного противодействия мorganатическому браку эрцгерцога, Франц-Иосиф согласился на него только при условии официального и торжественного отречения Франца-Фердинанда от прав на престолонаследие за его будущих детей, что в легитимном отношении создавало досадные неудобства.

Кроме того, эрцгерцог слыл откровенным славянофилом, чем удручал, как Двор, так и правительство, с тревогой ожидавших дня вступления эрцгерцога на престол. Таким образом, у сербов не было причин убивать Франца-Фердинанда, а у австро-венгерской знати, да и у самого императора, особенно печалиться о его смерти. Наконец, немало важно и то, что убийца и его сообщники оказались австрийскими подданными.

Самое тщательное и даже придирчивое расследование покушения австрийскими представителями в Сербию не обнаружило ни одной нити, связующей преступников с правительственными кругами, но несмотря на это, австрийское правительство предъявило сербскому сорокавосемичасовой ультиматум состоящий из требований, одно другого

оскорбительнее и унижительнее, среди них и такое, что поражало юридической безграмотностью и было невыполнимо при всем желании: граф Берхтольд и помощник его Форгац потребовали подчинения австрийским властям сербского суда, забыв, или не желая помнить, что суд правительству не подчинялся и распоряжаться его судьбой правительство Сербии было не правомочно.

Ультиматум прозвучал как пощечина и не вызвал одобрения даже у друзей Австрии. Английский министр иностранных дел, сэр Эдуард Грей, никак не мирволит славянам, но откровенно заявил австрийскому послу, что ультиматум «это самый ужасный документ из всех, когда-либо направлявшихся по адресу независимого государства». Раздосадован беспардонным поведением союзников был даже их покровитель кайзер Вильгельм.

В свете всего этого, особенно ярко вырисовывается миротворчество императора Николая II. Если не считать лидера французских социалистов Жана Жореса, убитого темными силами за его противодействие надвигающейся войне, Русский Царь несомненно являлся самым жертвенным поборником мира в канун страшной катастрофы. Заявив о том, что Сербия не останется одинокой в беде, после предъявления ей ультиматума, в момент, когда все глаза были прикованы к Петербургу, император Николай II поступил с престожем самодержавной власти и во избежание кровопролития, для того, чтобы обезоружить зарвавшихся бреттеров, посоветовал королю Петру ультиматум, в основном, принять, но и это не помогло. Не остановившись перед преступлением по должности, граф Берхтольд вынудил обманом императора Франца-Иосифа подписать объявление войны. Он сказал, что война уже началась и объявление ее — пустая формальность. Действительно, в предложенной на подпись ноте, император прочел, что «...сербские войска в районе Темес-Кубина уже открыли военные действия против императорских и королевских войска». Однако, эти слова граф Берхтольд вычеркнул прежде, чем высохли чернила императорской подписи. Только два дня спустя, когда пушки гремели с обеих сторон, граф признался, что он «после того, как сообщение о бое у Темес-Кубина не нашло подтверждения, взял на себя смелость вычеркнуть его из ноты», но что действие дипломатического, императором подписанного документа, приостановить не представлялось возможным.

Скрыв от своего императора отпадение хоть этого повода к войне, австрийский министр иностранных дел совершил подлог, которым и началась Первая Мировая война. Поистине, достойный конец недостойной дипломатии!..

*

Все чаще приходится слышать о том, что началась уже Третья Мировая вой-

на. С этим трудно согласиться, поскольку, строго говоря, не было Второй, а была и продолжает по сю пору длиться все та же злополучная Первая, обернувшаяся не только европейским, но всемирным провалом, еще далеким от своего завершения.

Уже побелели кости жертв Сараевского злодеяния и миллионов людей, убитых двумя выстрелами девятнадцатилетнего гимназиста, а выстрелы эти все еще оглушают злоежом атомным эхом потрясенное человечество и вселяют в него тревогу за будущее новых поколений.

Пятьдесят лет тому назад, судьба человечества, как это теперь видно, находилась в руках маленькой группы политических импровизаторов, очень темпераментных, очень близоруких и вполне безответственных; потерявших управление событиями почти сразу после начала столь легкомысленно развязанной ими неслыханной войны, в результате которой погибли и продолжают гибнуть династии, государства и целые народности.

Сейчас эта война продолжается под руководством новых стратегов, лишенных горячности; холодных расчетливых заговорщиков с низко опущенным забралом, вооруженных красивыми словами и вооружающих весь мир атомными бомбами. Эти отлично понимают, что творят и знают куда влекут неужественное, наивное и неудержимо умножающееся человечество, приблизившееся уже к порогу крошечного ада.

Удастся ли человечеству во-время остановиться перед роковой чертой? Это зависит от него самого; от того, найдутся ли у него внутренние силы для отречения от материалистической снухи и атеистического или полуматериалистического оптимизма, которые подсовываются ему со всех сторон изобретателями всевозможных губительных нелепостей, не только разрушающих плоть, но развращающих сознание и одуряющих совесть. На этом пути людям долго не удержаться, они должны вернуться в Отчий дом, либо погибнуть...

Когда на голову японцев свалились первые атомные бомбы, появился анекдот, быстро устаревший, превратившийся в короткий срок в довольно правдоподобное представление о недалеком будущем:

На опустошенной атомными бомбами Земле, из опаленных джунглей все-таки вылезли пугливо озираясь две обезьяны. Оглядевшись с тоской опустошенно, печально вздохнули и сказали: «Ну, что ж! Начнем с начала?»

Есть все основания опасаться того, что к следующему юбилею роли докладчика и слушателей придется распределить между собой вот этим самым обезьянкой. И если им это удастся, то их доклад будет значительно короче и содержательнее сегодняшнего, всего несколько слов:

— Первая Мировая война окончена

Из Петропавловска Шелихов выехал в Большерецк верхом. Второго октября он приехал в Тигильскую крепость. Здесь он узнал нерадостные вести. Начальник Тигильской команды Тимофей Шмалев сообщил, что на севере Камчатки коряки опять взбунтовались, что беспокойно и среди чукчей.

Шмалев дал ему письмо к своему брату Василию, стоявшему со своим отрядом между Тигильской крепостью и селением Гижига. В провозные и для охраны, Шмалев отрядил Шелихову капрала Николая Попова и казака Ивана Суздалева, имевших родичей среди коряков. Благодаря этому все встречи с восставшими прошли мирно и Шелихов благополучно доехал до Гижиги.

В Гижиге Шелихов простился со своими спутниками и в Охотск поехал на собаках, как всегда, вдвоем с каюром.

27 января 1787 года, Шелихов прибыл, наконец, в Охотск, который покинул три года тому назад.

В Охотске, на первый взгляд, ничего не изменилось.

Около дома охотского коменданта похаживал все тот же отставной солдат, попрежнему большинство окон было затянуто кишками нерп и медведей.

Соскочив с собачьих нарт, Шелихов спросил часового, прибыл ли в Охотск галиот «Три Святителя».

Солдат, узнав Шелихова, радушно отвечал, что галиот «Три Святителя» прибыл в Охотск еще в начале осени, что жена Шелихова, Михаил Голиков и команда пребывают в добром здравии.

Через несколько минут с ними состоялась радостная встреча. Наталья Алексеевна и Голиков рассказали, что «Три Святителя» двое суток носило по воле волн, потом шторм стих, ветер стал попутным и галиот благополучно достиг устья реки Охоты.

На следующий день утром, Шелихов отправился к Козлову-Угренину, который попрежнему продолжал быть охотским комендантом.

Козлов-Угренин, выслушав внимательно рассказ Шелихова о его трехлетних странствованиях, спросил, вел ли он записи о всем виденном во время морского вояжа и пребывания на острове Кадык. Шелихов ответил, что в продолжение всего плавания «особые ведены были тому каждодневные записки».

Козлов-Угренин потребовал, чтобы эти записки были немедленно представлены ему, и он уже сам, со своей припиской, доставит их высшему начальству. Шелихов попробовал уклониться, сказав, что на днях он сам поедет в Иркутск, но Козлов-Угренин твердо стоял на своем.

Шелихову пришлось подчиниться и отдать записки. Ссориться с Козловым-Угрениным было нельзя: здесь, в Охотске он имел большую власть, чем сама Екатерина Вторая.

В Охотске Шелихов договорился с Евстратом Деларовым о том, чтобы он принял на себя управление компанией на Кадыке. Покончив со всеми неотложными делами по снаряжению галиотов, которые весной должны были итти на Кадык, восьмого февраля Шелихов выехал на собаках в Иркутск. Вместе с Шелиховым ехала его верная спутница — жена и пятнадцать каняг.

Во время путешествия Шелихову с женой и канягами пришлось «перетерпеть несказанные трудности».

Зима была суровая. Дули холодные, обжигающие лицо ветры. Бушевала пурга. Не раз Шелихов с женой, каюры и каняги по два-три дня проводили в снегу, питаясь только сухарями и сухой юколой, утоляя жажду снегом.

Одиннадцатого марта путешественники достигли Якутска и после нескольких дней отдыха отправились в Иркутск. Снежные сугробы на Лене были так велики, что путешественникам по целым дням приходилось итти рядом с лошадьми, с трудом тащившими нагруженные нарты. Лишь шестого апреля, в полдень, наконец, вдали показался Иркутск.

Б. БАШИЛОВ

СТОЛЕТИЕ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II 20-го НОЯБРЯ 1864 г. — 20-го НОЯБРЯ 1964 г.

(Продолжение)

Уголовные дела, которые рассматривались с участием присяжных заседателей, не имели порядка апелляционного обжалования и почитались окончательными. На вердикты, вынесенные с участием присяжных заседателей, могли быть приносимы только кассационные жалобы ввиду нарушения "обрядов и форм судопроизводства" или неправильного толкования закона. Существо разрешенного дела не подлежало кассационной проверке. Таким образом, Съезды Мировых Судей, Судебной Палаты и Окружные Суды с участием присяжных заседателей постановляли окончательные судебные решения, на которые допускались только кассационные жалобы и приносились они в единый кассационный суд — Правительствующий Сенат.

Политические дела были изъяты из ведения присяжных заседателей и переданы Особому Присутствию Судебных Палат с участием сословных представителей. Особое Присутствие Судебных Палат состояло из 4-х членов Судебной Палаты, Предводителя Дворянства, Городского Головы и Волостного Старшины. Приговоры не подлежали мотивировке и выносились по большинству голосов. Кассационные жалобы приносились также в Правительствующий Сенат. При Правительствующем Сенате существовало Особое дисциплинарное присутствие для рассмотрения дел по нарушениям чинами судебного ведомства обязанностей по должности, а также Особое присутствие Правительствующего Сената с участием сословных представителей для рассмотрения дел, связанных с покушением на жизнь Государя Императора и Его Семьи. Это Особое Присутствие рассматривало дело об убийстве Императора Александра II, которое имело место 1-го марта 1881 года. Рядом с судебной магистратурой, т.е. мировыми судьями, членами Окружных Судов и Судебных Палат, а также и Сенаторами стояла прокуратура, разделявшаяся на прокуроров и товарищей прокурора Окружного Суда, Судебной Палаты и на товарищей Обер-Прокурора Правительствующего Сената.

Что такое прокурор? — "Прокурор есть, — как это изложено в мотивах к ст. 609 Уст. Угол. Суд. — обличитель преступления во имя закона, видам которого осуждение невинного еще более противно, чем оправдание виновного". "Уголовное преследование, — говорит лучший русский прокурор, Н. В. Муравьев, — есть акт государственного правосудия, а не гонения или травли сильным слабым. Охраняя законность преследования, прокурор тем самым охраняет его чистоту, достоинство и правоту. В общем, прокурор возбуждает уголовное преследование, руководит полицейским дознанием, наблюдает за предварительным следствием, участвует в предании суду, обвиняет на суде, протестует против неправильных судебных

приговоров и определения и исполняет те из них, которые вошли в законную силу". И больше ничего.

Что может быть совершеннее и прекраснее слов закона:

"Прокурор в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и улик или важность рассматриваемого преступления". "Если прокурор находит оправдание подсудимого уважительным, то он обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести (Ст. ст. 739 и 740 Уст. Угол. Суд.)".

Как в этих словах написано, так и поступала прокуратура, ибо это был единственный способ снискать доверие присяжных заседателей и судей, и, таким образом, служить правосудию.

Судебные следователи, те же судьи, делились на участковых, на следователей по важнейшим делам и по особо-важным делам. Над последними наблюдала прокуратура Судебных Палат, которая и поручала им дела, так как следователи по особо-важным делам состояли при Судебных Палатах.

Мысль о том, что судебные следователи при производстве следствия могут допускать, не говоря о пытках или насилиях, нравственное давление, — оскорбление памяти этих светлых труженников.

Всякое действие судебного следователя облекалось в форму определения и могло быть обжаловано в Окружной Суд. По окончании предварительного следствия судебный следователь предъявлял его обвиняемому, который мог просить о дополнении следствия, и в случае желанья обвиняемого, вручал ему бесплатно копии следственного производства.

Министр Юстиции был в то же время генерал-прокурором и ему в служебном отношении подчинялась вся прокуратура.

Судопроизводство во всех инстанциях было устным, гласным и состязательным. Дела ни под каким видом не могли слушаться в отсутствие подсудимых. Показания обвиняемого, данные на предварительном следствии, не подлежали оглашению на суде. При вручении обвинительного акта обвиняемый мог просить о вызове дополнительных свидетелей и в случае, если он не мог избрать защитника — таковой назначался судом из числа присяжных поверенных. Дела слушались публично и доступ публики был свободен.

Товарищ прокурора должен был доказать правильность обвинительного акта. Обвинение и защита обладали равными правами. Подсудимому предоставлялось последнее слово. Обвиняемый мог отказаться от дачи каких-либо объяснений и, согласно закону, молчание

подсудимого не должно быть поставлено ему в вину.

С чувством умиленья и слезами благодарности должны мы вспомнить многотысячные кадры русских судебных деятелей — представителей Магистратуры и Прокуратуры в честности и добросовестности которых никогда не было ни малейших сомнений, это были бескорыстные слуги России. Тяжелый, и нравственно и физически, труд судебных деятелей был гордостью и величием России.

Защитником по уголовным делам мог быть всякий совершеннолетний, не опороченный по суду. Защита обвиняемого и предствительство сторон в гражданских делах были возложены на специально созданный институт присяжных поверенных, которые должны были получить высшее юридическое образование и отбыть 5-летний стаж при одном из присяжных поверенных. Присяжные поверенные состояли при судебных палатах и имели свой орган управления и надзора в лице Совета, который ежегодно избирался Общим Собранием присяжных поверенных и являлся вместе с тем дисциплинарным судом. Председатель Совета присяжных поверенных избирался отдельно от членов Совета. Второй инстанцией по делам, рассматриваемым Советом, являлось Общее Собрание Судебной Палаты.

Присяжная адвокатура, по своим достоинствам и способностям отвечала высоте судебных уставов.

"Как по мановению волшебного жезла, выросли с первых же дней судебной реформы, — говорит А. Ф. Кони — обвинители и защитники, умелые и талантливые и проникнутые сознанием важности и святости нового дела. Можно без всякого преувеличения сказать, что наша судебная трибуна, в первые же годы существования, стала в уровень с иностранной, не утратив симпатичных национальных особенностей".

Самым изумительным явлением Судебных Уставов Императора Александра II было "присоединение к составу судебных мест "Присяжных Заседателей", т.е. русского народа, крестьянина, только за три года до того освобожденного от крепостной зависимости.

В 1862 году были опубликованы "Основные положения" предстоящей реформы, и тогда последовали возражения о возможности привлечения к рассмотрению дел присяжных заседателей. Возражения раздавались со стороны государственных деятелей (граф Блудов), а равно представителей науки (проф. А. Чебышев-Дмитриев, В. Д. Спасович).

Оказалось, что русский царь с высоты трона видел дальше, чем просвещенные юристы и государственные деятели, он лучше знал свой народ, и русский народ, крестьянин, оправдал доверие России и Царя и в деле суда нравственно себя возвел.

Крестьяне в качестве присяжных заседателей не только понимали "господ" в лице членов суда, прокуратуры, адвокатуры, ученых экспертов, но и устанавливали деловую обстановку, проникнутую серьезностью, гармонически соединяя теоретические знания с опытом повседневной жизни, обстановку взаимного доверия, оставлявшую во всех работников суда чувство нравственного удовлетворения, а часто и тихого умиленья.

Присяжные Заседатели избирались из местных обывателей всех сословий: 1) состоящих в Русском подданстве, 2) знающих Русский язык и умеющих читать по-русски, 3) имеющих не менее двадцати пяти и не более семидесяти лет от роду, считая сказанный возраст к 1 января того года, на который производится избрание и 4) жительствующих не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в Присяжные Заседатели.

В законе указана категория лиц, которые не могут быть Присяжными Заседателями: 1) состоящие под следствием или судом, 2) исключенные со службы по суду или среды обществ и дворянских собраний, 3) объявленные несостоятельными должниками, 4) состоящие под опекой за расточительностью, 5) слепые, глухие, немые и лишенные рассудка, 6) домашняя прислуга и 7) впавшие в крайнюю бедность.

Установлены правила для внесения в общие и очередные списки по уездам. Очередные присяжные распределяются судами. Для рассмотрения каждого дела избирается 12 лиц и 2 лица запасных, в разрешении дел не участвующих.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

ЗУБНОИ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор - машина Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субтерра-
нео "Пуэйредон" по линии Федерико Лакросе).

Присяжные заседатели избирают Старшину. Для оправдательного вердикта требуется Шесть голосов, для обвинительного — Семь. Ответы даются на основании вопросного листа, который вручается Старшине после окончания судебного следствия. Товарищу прокурора и защите предоставляется право отводить без объяснения причин по три присяжных заседателей из списка.

Русский присяжный стремился не только знать правду, но и по правде разрешить дело. Первоначально было запрещено сообщать присяжным о грозящем подсудимому в случае обвинения наказании и часто присяжные заседатели оправдывали обвиняемого, не будучи уверены в том, что наказание будет справедливым. Законодатель вынужден был признать основательность требования присяжного заседателя и обязал суд разъяснять и вопрос грозящего наказания. Русский присяжный никогда не останавливался только на установлении факта, он разрешал вопрос о виновности, как о нравственном смысле ответственности человека за содеянное. Факты нельзя определять по совести, но виновность, это дело только совести.

В течение 50-ти с лишним лет, с 1864 года и по день российской катастрофы — русский народ, отдавая безвозмездно свои силы на дело правосудия, вынес свыше 7 миллионов уголовных приговоров.

Воздух нравственной свободы, наполнявший собою бесчисленные большие и малые храмы русского правосудия по лицу всей необъятной России, возрастал величественное дерево правды и милости в суде, которое в течение более 50 лет покрывало своими ветвями русский народ.

Русский суд не есть только прошлое, не есть история. Русские судебные традиции являются заветами, без восстановления и возрождения которых не может быть возрождения русской государственной и общественной жизни. Русский суд вместе с другими достижениями русской государственности и культуры дает право русскому народу занять место в первых рядах культурных народов.

Совместная работа магистратуры, прокуратуры, адвокатуры и присяжных заседателей из народа является свидетельством единства духа и одинакового понимания нравственных начал всеми здоровыми элементами русского общества.

Восстановление русского суда по Уставам Императора Александра II явится первым шагом к восстановлению правды, справедливости и милости в русской жизни, без которых русская душа засыхает и теряет данные ей Богом прекрасные качества, свидетельством которых является Русский Суд по Судебным Уставам Императора Александра II.

Ставя же русский народ на такой путь жизни, где нет ни правды, ни милости, строители этих форм жизни должны были сломать русский суд с участием присяжных заседателей и, вообще, Суд по Уставам Императора Александра II. Они и сломали.

Константин Николаев
Прис. Повер. Председатель
Объединения Русских Юристов
б. Ди-Пи в Америке.

ПОСЫЛКИ В СССР

"INCOMPORT" - Avda. CORDOVA 1345 - T. E. 42 - 2628

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИРМЫ SICOMEX
ОТПРАВЛЯЕМ ПАКЕТЫ ПРЯМО ИЗ ФРАНЦИИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
Лучшие французские материи и товары

ПОЛУЧАТЕЛЬ НИЧЕГО НЕ ДОПЛАЧИВАЕТ!

С АБСОЛЮТНЫМ РУЧАТЕЛЬСТВОМ!

ДЕШЕВО И СКОРО!

Посылки до 20 кг.

Доставка 3 - 4 недели.

С ОБРАТНОЙ РАСПИСКОЙ ПОЛУЧАТЕЛЯ!

Магазины и контора открыты ежедневно от 9 до 13 и от 15 до 19 часов
По субботам — от 9 до 14 час.

РУССКИЙ МАГАЗИН

"INCOMPORT"

AVENIDA CORDOVA 1345

T. E. 42 - 2628

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗАГРАНИЧНЫЕ ТОВАРЫ:
ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ, РАДИО-ТРАНСИСТОРЫ, ЧАСЫ, ИГРУШКИ и пр.
ПОКУПАЕМ РУССКИЕ КУСТАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И КАРТИНЫ